

Из истории архивного и книжного наследия князей Юсуповых: по документам Архива Румянцевского музея 1919–1920 гг.

Аннотация. В статье рассматривается история передачи архива княгини З. Н. Юсуповой, а также наиболее ценной части юсуповских книжных богатств, хранившихся в усадьбе «Архангельское», в Румянцевский музей в 1919–1920 гг. Исследование, написанное по документам Архива Румянцевского музея (ныне – Архив РГБ), дает представление о круге уникальных специалистов-библиографов, работавших в первые пореволюционные годы в Румянцевском музее на ниве спасения отечественных архивов и библиотек. Скрупулезное изучение истории сохранения интеллектуального наследия князей Юсуповых подводит к необходимости вспомнить незаслуженно забытых работников российского книжного дела: В. Д. Голицына, В. О. Нилендера, А. С. Петровского и др. Исследование основано на методическом сравнительном анализе неопубликованных архивных документов. Результаты данного анализа уточняются и дополняются фактами, почерпнутыми из опубликованных источников. К научной новизне работы относится публикация новых сведений о людях, собиравших и хранивших архивные и книжные богатства России в трудные для страны пореволюционные годы. Сравнительный анализ всех привлеченных источников дает возможность лучше понять как сам пореволюционный «дух времени», так и генезис социокультурного феномена «маленького человека» советской эпохи, в которого трансформировался дореволюционный российский интеллигент.

Ключевые слова: усадьба «Архангельское», З. Н. Юсупова, князья Юсуповы, Румянцевский музей, Андрей Белый, Н. С. Воскресенская, В. Д. Голицын, В. О. Нилендер, А. С. Петровский, Л. И. Сперанская.

Abstract. The article's focus is on the transfer history of the princess Z. N. Yusupova's archive, as well as on the most valuable part of the Yusupov book treasures, originally held in the "Arkhangelskoe" estate and then moved to the Rumyantsev Museum in 1919–1920. The research, based on the documents of the Rumyantsev Museum Archive (today – the Russian State Library Archive), provides insight into the unique circle of specialists-bibliographers in the Rumyantsev Museum who during the first post-Revolution years worked to rescue Russian archives and libraries. The scrupulous study of the history of preservation of the princes Yusupovs' intellectual heritage leads to the necessity of bringing back to memory the unjustly forgotten figures in Russian bibliography: V. D. Golitsyn, V. O. Nilender, A. S. Petrovsky and others. Information regarding these people, who not only collected and preserved the archival and book treasures of Russia, but also multiplied them, can be drawn from sources that contain little known historical facts. A comparative analysis of all referenced sources allows to understand both the post-Revolutionary "spirit of the time" and the genesis of the sociocultural phenomenon of "a little person" of the Soviet epoch transformed from the pre-Revolutionary Russian intellectual.

Key words: estate "Arkhangelskoye", Z. N. Yusupova, princes Yusupovs, Rumyantsev Museum, Andrey Belyi, N. S. Voskresenskaya, V. D. Golitsyn, V. O. Nilender, A. S. Petrovsky, L. I. Speranskaya.

Российские хранилища личных фондов князей Юсуповых

Среди российских архивов, в которых присутствуют документы князей Юсуповых, стоит в первую очередь назвать три хранилища, где юсуповские документы организованы в особые фонды. Основная и важнейшая часть юсуповского архива хранится в Российском государственном архиве древних актов (ф. 1290). Существенно уступают ему по количеству документов – однако, далеко не всегда по их зна-

чимости – два архивохранилища: Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ф. 350) и Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ф. 411).

В описи ф. 411 ОПИ ГИМ читаем: «Фонд Юсуповых (Сумароковых-Эльстонов) поступал в ГИМ из Ленинградского музейного фонда в течение 1929–1935 годов, некоторые документы из коллекции П. И. Щукина поступили раньше. <...> В ОПИ ГИМ поступила небольшая часть громадного архива Юсуповых (Сумароковых-Эль-

стонов). Хронологические рамки фонда 411 – 1770–1917 годы» [1].

Далее опись сообщает, что основные материалы общего архива рода Юсуповых «находятся в РГАДА (бывший ЦГАДА СССР) (более 27 тыс. ед. хр.), ОР РГБ (бывшая ГБЛ) (470 ед. хр.), Государственном архиве Крымской области (178 ед. хр.), ГПБ (84 ед. хр.), Пушкинском доме (141 ед. хр.), музее-усадьбе “Архангельское” (230 ед. хр.)» [1].

Если при этом в самом ф. 411 ОПИ ГИМ хранится 146 ед. хр., то в целом мы получаем цифру, количественно выражающую архивное богатство князей Юсуповых, хранящееся в их личных фондах в различных архивах Российской Федерации: более 28 248 ед. хр.

Данные сведения подтверждаются указателем «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР» [2, 349–350]. В нем присутствует информация о следующих архивах: (1) об архиве Бориса Николаевича Юсупова (1794–1849), хранящемся в ГПБ; (2) об архиве Зинаиды Ивановны Юсуповой (1809–1893), хранящемся в Пушкинском доме; (3) об общем родовом архиве князей Юсуповых (временной интервал документов – 1606–1921), хранящемся в РГАДА; (4) об архиве Зинаиды Николаевны Юсуповой (1861–1939), хранящемся в РГБ; (5) об архиве Феликса Феликсовича Юсупова, Сумарокова-Эльстона старшего (1856–1928) и Феликса Феликсовича Юсупова, Сумарокова-Эльстона младшего (1887–1967), хранящемся в ГА Крыма.

С учетом вышесказанного к этим данным необходимо добавить информацию о документах Юсуповых, хранящихся в ОПИ ГИМ. Хотя речь идет о музейном фонде, тем не менее данное документальное собрание (в отличие от некоторых других фондов государственных архивов, содержащих документы князей Юсуповых) имеет характер личного архивного фонда: формально говоря, речь должна идти (6) об архиве Феликса Феликсовича Юсупова, Сумарокова-Эльстона старшего.

Из всего перечисленного архивного наследия князей Юсуповых в настоящей работе мы займемся лишь историей архивного фонда Зинаиды Николаевны Юсуповой, хранящегося в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ (далее – ОР РГБ), а также историей той части библиотеки Юсуповых, которая вместе с этим архивом была передана в Румянцевский музей в 1919–1920 гг.

Наша работа почти целиком основана на документах Архива Российской государствен-

ной библиотеки. Все публикуемые в нашей статье архивные источники, хранящие не только факты, но и *Zeitgeist*, «дух времени», дух исследуемой нами эпохи, даются без купюр. Редакторское вмешательство сводится к трем положениям: (а) везде, где это было возможно, сокращенные в документах слова и цифры даются нами в их полном виде без особых оговорок, (б) без специальных замечаний в публикуемых текстах исправляются все орфографические ошибки и опечатки, и наконец, (с) в необходимых случаях в документ вводятся слова в квадратных скобках, помогающие понять смысл публикуемого текста.

Содержание архивного фонда З. Н. Юсуповой

Прежде чем непосредственно приступить к исследованию истории интересующего нас архивного фонда, стоит составить представление о содержательной стороне предмета наших изысканий: о том, что именно хранится в указанной части юсуповского архива, и о значимости этих документов.

Прежде всего необходимо отметить, что наиболее важную – и по количеству, и по значимости – часть архивного фонда З. Н. Юсуповой составляют письма. Если весь материал архива занимает 22 папки, то 16 из них – это именно письма. Всего писем 5017 (11 256 листов). Французских писем – 4061, русских – 906, английских – 42, немецких – 8.

Писем, полученных Зинаидой Николаевной от ее отца, в архиве больше всего. Из 789 писем Николая Борисовича Юсупова младшего (1827–1891), хранящихся в данном архивном фонде, только 9 предназначались другим адресатам.

В свои письма к дочери Н. Б. Юсупов младший (он был полным тезкой своего деда Николая Борисовича Юсупова старшего (1751–1831), знаменитого екатерининского вельможи) часто вкладывал копии писем, полученных им от разных лиц или посланных им. Таким образом, удается обнаружить, что среди корреспондентов Николая Борисовича были короли итальянский, датский, греческий, вюртембергский, королева баварская, Александр III, Мария Федоровна. Из этой же переписки можно установить, что благодаря своему положению при дворе и щедрым пожертвованиям Н. Б. Юсупов младший был кавалером ряда российских и иностранных орденов (персидского, греческого, турецкого), а так-

же носил звание крестоносца, полученное им от иерусалимского патриарха.

Далее по критерию численности идут письма родственников Зинаиды Николаевны, среди которых прежде всего необходимо выделить эпистолярное наследие ее бабушки, графини Зинаиды Ивановны, в честь которой была названа З. Н. Юсупова. (Документы самой З. И. Юсуповой, урожденной Нарышкиной, жены Б. Н. Юсупова, во втором браке – графини де Шово, хранятся в Институте русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук, ф. 347, временной интервал документов – 1829–1878 гг.)

В 1882 г. Зинаида Николаевна вышла замуж за упомянутого выше графа Ф. Ф. Сумарокова-Эльстона. Двойная фамилия Сумароковых-Эльстонов – характерная примета сословной эпохи. Когда Елена Сергеевна Сумарокова в 1856 г. вышла замуж за Феликса Николаевича Эльстона (1820–1877), ей было разрешено присоединить полученный графский титул и свою фамилию к фамилии мужа, поскольку мужского потомства в роду Сумароковых не осталось. З. Н. Юсупова тоже была дочерью последнего в их роде князя Юсупова, со смертью которого старинный род Юсуповых должен был прекратиться. В 1885 г. Александр III разрешил передать титул и фамилию Юсуповых Зинаиде Николаевне и ее мужу. При этом имя князя Юсупова, графа Сумарокова-Эльстона передавалось далее по наследству старшему сыну после смерти отца.

Вопреки ожиданиям, писем самого Феликса Феликсовича в данном архиве сохранилось только 8, хотя писем его родственников к Зинаиде Николаевне мы находим значительное количество. Так, например, в фонде хранится большое количество корреспонденции (286 писем) от матери Ф. Ф. Сумарокова-Эльстона, Елены Сергеевны Сумароковой-Эльстон (1827–1901), 168 писем от брата Ф. Ф. Сумарокова-Эльстона – Николая Феликсовича (1861–1901) – и 105 писем от его жены, урожденной графини Софьи Кошкуль.

Эта часть архива может оказаться полезной не только для историка рода Юсуповых, но и для исследователей так называемой психологии – истории, трактуемой с психологических позиций. В связи с этим стоит отметить, что многим лицам, фигурирующим в письмах, Ф. Ф. Юсупов младший в своих «Мемуарах» дает интересные лаконичные характеристики. Вот, например, как он рисует классический, с точки

зрения современного психоанализа, облик своего «сурового отца»: «Отец не готов был управлять колоссальным матушкиным состоянием и распорядился им очень неудачно. Со старостью он <...> стал чудить, весь в мать, графиню Елену Сергеевну. С женой они были совсем разные, и понять он ее не мог. По природе солдат, ее ученых друзей не жаловал. Но из любви к нему матушка пожертвовала привычками и привязанностями и лишила себя многого, в чем могла бы найти радость жизни. В отношениях наших (то есть самого Феликса и его старшего брата Николая. – П. П.) с отцом всегда была дистанция. Утром и вечером мы целовали ему руку. О нашей жизни он ничего не знал. Ни я, ни брат разговора по душам никогда с ним не имели» [3, 31].

Раздел переписки с родственниками продолжают письма Елизаветы Феликсовны Лазаревой (158 писем), а также письма ее мужа, Петра Михайловича Лазарева, сенатора и Таврического губернатора (61 письмо). В Крыму (в Тавриде) Юсуповы, как известно, владели двумя знаменитыми усадьбами – Кореиз и Коккоз. В описываемом нами архивном фонде хранятся фотографии (185 штук), сделанные главным образом в этих крымских имениях.

К этому же разделу необходимо отнести письма другого брата Феликса Феликсовича Юсупова старшего – Павла Феликсовича (р. 1855 г.) – и его сестры Александры Феликсовны (р. 1863 г.), которая в 1891 г. вышла замуж за Юрия Николаевича Милютину.

По количеству корреспонденции вслед за перепиской с родственниками идет переписка Зинаиды Николаевны с ее подругами и кузинами. Много лет З. Н. Юсупова переписывалась с княгинями Голицыными, княгинями Барятинскими, фрейлинами Кутузовыми, с Пуцци и другими дамами знатных фамилий.

Хотя по большей части вся перечисленная переписка имеет приватный и семейный характер, внимательному исследователю можно почерпнуть из нее много интересных сведений о придворной и светской жизни конца XIX – начала XX вв.

Двигаясь дальше в нашем эпистолярном обзоре, стоит выделить в отдельную группу письма гувернанток и гувернеров дома Юсуповых – Пенар, Кук, Шевина-Бюно.

Особенно ярко отразился княжеский домашний быт и вопросы воспитания в письмах Надежды Павловны Пенар (урожденной Версиловой). В течение 10 лет она воспитывала Зи-

наиду Николаевну и ее младшую сестру Татьяну Николаевну (1866–1888), а после смерти Татьяны в доме Зинаиды Николаевны воспитывала ее сыновей. Всего ее писем в архиве 406. Они представляют собой богатейший исторический источник для исследователя повседневного быта княжеской семьи, мелкие и мельчайшие детали которого проступают в этих письмах как под микроскопом.

Письма английского гувернера Х. Кука дают подробный отчет о гимназической жизни старшего сына Юсуповых – Николая Феликсовича (1883–1908). Данные письма предоставляют нам сведения об образовании и воспитании, о формировании характера и мировоззрения двух детей Юсуповых – представителей последнего революционного поколения в их древнем роде.

Несмотря на то что эпистолярное богатство, хранящееся в фонде З. Н. Юсуповой, является прежде всего историческим источником для исследований по истории княжеского быта, общественно-политическая жизнь страны – хотя и в меньшем масштабе – в переписке тоже отражена.

В ряде писем выражен ужас и негодование по поводу действий террористов (например, по поводу крушения царского поезда в Борках 17 октября 1888 г.). Мелькают сведения о голоде 1891 г. В своих письмах генерал Ф. Э. Келлер выражает собственное мнение об Александре III и Николае II, дает некоторые сведения о войне 1904–1905 гг., на которой впоследствии он погиб.

Переходя от писем к оставшейся части архива, стоит отметить наличие в нем газет, а также многочисленных газетных и журнальных вырезок. Вырезки посвящены прежде всего упоминанию Юсуповых в прессе по разным поводам. Отдельные вырезки касаются вопросов международной политики, а также упомянутых террористических актов и покушений. В значительной части газет говорится об убийстве великого князя Сергея Александровича, адъютантом которого некоторое время был Ф. Ф. Сумароков-Эльстон старший. Присутствуют вырезки и на другие темы: эпидемии, медицинские новости, моды платьев для собак, отчеты о теннисных состязаниях и т. п. Определенная часть этих вырезок, очевидно, присылалась Зинаиде Николаевне ее отцом.

Довольно большое место в архиве занимают поздравительные открытки, приглашительные билеты на придворные и светские балы

и вечера, программы вечеров и концертов, меню обедов и ужинов, приглашительные билеты и программы благотворительных вечеров. Все указанное З. Н. Юсупова складывала в конверты, некоторые из которых имеют надпись “Bêtisier” (*bêtisier франц.* – пустяки, мелочи; *буквально*: сборник забавных анекдотов и нелепых историй, от *bêtise* – глупость, пустяк).

Лидия Ивановна Сперанская

Единица архивного учета, называемая «Дело фонда», обычно отражает краткую историю поступления фонда в архив, основания его передачи и т. д. Однако в «Деле фонда № 350» в графе «Время поступления и история фонда или собрания» мы обнаружили лишь следующую лаконичную запись: «1919 г. Из имения “Архангельское”» [4].

Исходя из содержания данного архивного фонда, можно предположить, что попавший в 1919 г. в Румянцевский музей личный архив Зинаиды Николаевны хранился в усадьбе «Архангельское» (с 1919 г. – музей-усадьба) отдельно от общего родового архива. Последний большей своей частью, видимо, хранился в юсуповском дворце на Мойке и оказался после революции, как уже отмечалось, сосредоточенным в РГАДА.

Вместе с тем, поскольку документы интересующего нас архивного фонда охватывают период с 1866 по 1908 гг., резонно предположить, что личный архив Зинаиды Николаевны имел и другую, более «оперативную», свою часть, в которую входили документы с 1908 по 1918 гг. Эта часть архива З. Н. Юсуповой могла также храниться в петербургском дворце Юсуповых на Мойке, затем последовать за Зинаидой Николаевной в Крым, и наконец – в эмиграцию.

Далее из «Дела фонда № 350» выясняется, что после своего поступления в Румянцевский музей данный архив хранился 17 лет в неразобранном виде в «1 комнате 40-х годов» [5]. В 1936 г. его обработала Лидия Ивановна Сперанская.

Для исследователя русской культуры начала XX в. личность Л. И. Сперанской, как и многих других людей, имевших прямое или косвенное отношение к истории архива и библиотеки князей Юсуповых, представляет несомненный интерес. В Архиве РГБ сохранилась краткая автобиография Лидии Ивановны. Поскольку данные, которые содержатся в этой автобиографии, типичны для всего круга библиографов, волей судьбы объединившихся вокруг архивно-

библиотечного богатства князей Юсуповых, приведем данный документ полностью:

«Родилась в Москве в семье врача в 1899 г. Гимназию окончила в 1917 г. В том же году поступила на историко-филологический факультет московских Высших женских курсов. По закрытии курсов была переведена в I Московский государственный университет.

В 1922 г. окончила романо-германскую секцию этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук I-го Московского государственного университета. В 1922 г. поступила научной сотрудницей в Всесоюзную библиотеку имени В. И. Ленина (в Румянцевский музей. – *П. П.*), где работала до 1928 г.

Затем работала библиотекарем в Лингвистическом кабинете при I Московском государственном университете, и по закрытии Лингвистического кабинета была переведена в Кабинет истории и философии, где работала до 1932 г. В 1932–1933 году работала в Бухаре преподавательницей русского и немецкого языка.

После этого около двух лет работала в московской Государственной библиотеке иностранной литературы, а с 1935 г. работаю в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

Л. Сперанская. 17/Х–1940 г.» [6, л. 75–75об.].

Специфика документальных собраний, подобных архиву Юсуповых, среди прочего, состоит в их полилингвистическом характере. Л. И. Сперанская владела несколькими языками. В более подробной автобиографии, написанной в 1935 г., Лидия Ивановна сообщала: «Владею языками: французским, немецким, английским. В итальянском разбираюсь со словарем» [6, л. 42об.–43]. Из официальной переписки Румянцева музея с вышестоящими инстанциями, присылавшими многочисленные инструкции и анкеты, становится ясно, что владение иностранными языками уже в 1920-е гг. рассматривалось властями как подозрительный, с точки зрения благонадежности, факт, который было предписано неустанно выявлять. Знание «старорежимными» специалистами языков (особенно сразу нескольких) оказывалось не только их своеобразным внешним «клеймом» в качестве представителей «бывших господствующих классов». Это знание – что гораздо важнее – было несовместимо с внутренней сутью нарождавшегося «рабоче-крестьянского» массового общества.

В упомянутой подробной автобиографии 1935 г. о своей работе в Бухаре Сперанская со-

общает: «Я работала в качестве библиографа в Институте иностранной библиографии [в Москве] с мая по октябрь 1932 года; ушла оттуда по собственному желанию, так как уехала в Узбекистан. Там, в городе Старая Бухара я преподавала русский и немецкий язык в Бухарском медицинском техникуме в течение 1932/1933 учебного года» [6, л. 42об.–43].

Таким образом, скорее всего речь о ссылке здесь не идет, хотя словесная маскировка факта ссылки (как и мотивы этой маскировки) была бы вполне объяснима. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. интеллигенцию ссылали «на перевоспитание» на относительно «вменяемые» сроки продолжительностью 2–4 года. Интересно, что в «Личном листке по учету кадров» от 14 марта 1940 г. среди обработанных ей архивных фондов архив «белоэмигрантки» З. Н. Юсуповой Л. И. Сперанская не упоминает: «Обработаны архивы (архивы систематизированы, составлены каталоги и обзоры архивов) М. Н. Каткова, А. Ф. Вельмана. Принимала участие в обработке архивов Самариных, Л. Н. Толстого», – пишет Лидия Ивановна [6, л. 78].

Почему вообще может возникнуть подозрение в попытке скрыть «реципиентами» примененные в то время наказания, мы попытаемся объяснить позже, на примере другого сотрудника Румянцева музея – А. С. Петровского, вынужденного утаивать по крайней мере часть примененных к нему репрессий. Сейчас отметим лишь, что из документов, хранящихся в «Личном деле Л. И. Сперанской», перед нами ясно предстает образ «маленького человека» начала советской эпохи, невидимыми культурно-генетическими нитями связанного с копившимся веками интеллектуальным богатством России, частью которого является письменное наследие князей Юсуповых.

Для пояснения этого образа приведем один характерный документ: «В отдел кадров. Довожу до сведения, что сегодня, 27-го мая, я опоздала на три минуты, так как мне пришлось пропустить несколько переполненных трамваев. 27 мая 1941 г. Л. Сперанская.

Заместитель заведующего Отделом рукописей Сафронова. 27/V–1941 г.

[Резолюция вверху:] В приказ. На вид. Нефедов. 27/V–1941 г.

[Надпись внизу:] 1-й раз. [Подпись нрзб]» [6, л. 80].

В первые годы советской власти «старорежимные» руководители Румянцева музея хо-

рошо понимали, что спасение упомянутого интеллектуального богатства не сводится только к спасению архивов и библиотек, которым – этим спасением – они вполне официально занимались. Речь также шла о спасении от гибели людей, подобных «дочери потомственного почетного гражданина» [6, л. 76] Л. И. Сперанской, которые могли эти архивы и книги оценить, прочитать и понять.

В употреблении таких терминов, как «гибель», нет преувеличения. Когда рабоче-крестьянская инспекция занялась составлением списков «по очистке» Румянцевского музея согласно признаку классовой принадлежности, ее внимание привлекли не только потомственные дворяне, но и «потомственные почетные граждане».

С 1921 по 1924 гг. директором бывшего Румянцевского музея был Анатолий Корнелиевич Виноградов (1888–1946). Впоследствии он стал известен как прозаик и историк литературы. Именно при нем Л. И. Сперанская поступила на работу в бывший Румянцевский музей. В личном деле Виноградова хранится вырезка из газеты «Вечерняя Красная газета» от 8 октября 1928 г.: «РКИ произвела *обследование Ленинской публичной библиотеки* (бывшей Румянцевской) и установила, что библиотека стала убежищем для группы контрреволюционно настроенной интеллигенции, всячески мешающей наладить работу. В числе сотрудников значились 62 бывших дворянина, 20 потомственных почетных гражданина. Все они не имели ничего общего с библиотечным делом до 1918 г.

РКИ требует снятия с работы 22 человек, в том числе А. К. Виноградова (бывший директор библиотеки), помощников библиотекаря Е. В. Готье и Д. С. Глинку, заведующего хранилищем К. Н. Иванова и других» [7, л. 2а].

В этом списке фамилия Сперанской не фигурирует. Тем не менее, в 1928 г. она, как мы помним из ее автобиографии, увольняется из библиотеки. Можно предположить, таким образом, что ей активно в этом «помогли».

Владимир Оттонович Нилендер

Помимо Л. И. Сперанской, среди интересующих нас филологов, принятых на службу в Румянцевский музей после Октябрьской революции, необходимо рассказать о В. О. Нилендере. Он сыграл ключевую роль в «первой волне» отбора и вывоза в Румянцевский музей в 1919–1920 гг. наиболее ценной части библиотеки, хранив-

шейся в усадьбе «Архангельское». Документы довольно скупо освещают историю этой выборки и транспортировки. Ниже мы приводим их полностью. Уже сейчас, однако, поскольку речь идет о 1919 г., то есть о годе перемещения архива З. Н. Юсуповой в Румянцевский музей, резонно предположить (хотя только предположить!), что вместе с книгами юсуповской библиотеки В. О. Нилендер мог вывезти из Архангельского и интересующий нас архив.

При первом приближении к фигуре Нилендера внимание привлекает прежде всего его фамилия: возникает вопрос о происхождении. По этому поводу читаем «Выпись из метрической книги города Смоленска Оидигтриевской церкви первой части о родившихся за тысяча восемьсот восемьдесят третий, 1883-й, год», хранящуюся в ОР РГБ:

«Месяц и день: Рождения: ноябрь 22. Крещения: декабрь 18. Имя родившегося: Владимир.

Звание, имя, отчество и фамилия и вероисповедание родителей: Титулярный советник, преподаватель классической гимназии Оттон Августов Нилендер, лютеранского исповедания, и законная его жена Наталия Васильева, православного исповедания.

Звание, имя, отчество и фамилия восприемников: Коллежский асессор, врач Феодор Александров Квасков и жена статского советника Феофила Феодорова Нилендер» [8, л. 1].

Таким образом, отец Владимира Оттоновича был скорее всего обрусевшим немцем, мать – русской, а сам он – одним из тех провинциальных любознательных и способных мальчиков, перед которыми русская революция обещала «открыть все двери».

Действительно, в двери Румянцевского музея В. О. Нилендер постучал на самой заре революции. В резолюциях на его заявлении о приеме на работу, помимо известного уже нам А. К. Виноградова, фигурируют фамилии людей, о которых нам необходимо будет рассказать ниже, – Киселева и Петровского. Приводим этот документ полностью:

«Утверждено 12/VI-1919.

Ученая коллегия.

Московский и Румянцевский музей

“30” октября 1918 г.

№ 810.

В Ученую коллегия Румянцевского музея сотрудника Фундаментальной библиотеки Московского государственного университета В. О. Нилендера

заявление.

Ходатайствую перед Ученой комиссией (так в тексте. – *П. П.*) музея о приеме моем на службу в библиотеку в качестве помощника по отделу всеобщей литературы.

В настоящее время служу сотрудником Фундаментальной библиотеки Московского государственного университета (с 16 апреля 1916 г.), являясь специалистом в области всего круга наук классической филологии.

7.X.1918. Владимир Нилендер.

Местожительство: Пречистенский бульвар, Нашекинский пер., д. 3, кв. 1.

[Резолюция:] Ходатайство поддерживаю.

Член Ученой коллегии музея Ан. Виноградов, Петровский и Киселев (*Петровский и Киселев* написано простым карандашом. – *П. П.*).

12 октября 1918 года» [9, л. 1].

О Петровском мы поговорим подробно позднее. О Виноградове, Киселеве и – в связи с ними – о Нилендере скажем уже сейчас. Это важно, поскольку мы должны составить точное представление о той «группе интеллигенции», для которой, согласно анонимному автору цитированной выше газетной заметки, Румянцевский музей стал «убежищем». Для этого, однако, мы должны будем сделать небольшое отступление: без него слишком многое останется неясным в пореволюционной истории передачи архангельских архивных и книжных богатств князей Юсуповых на государственное хранение.

В своих мемуарах «Начало века» Андрей Белый, говоря о периоде 1906–1907 гг., часто вспоминает о своем друге Сергее Михайловиче Соловьеве (1885–1942) – поэте, прозаике, религиозном публицисте и переводчике, внуке знаменитого русского историка, академика С. М. Соловьева. «Мне помнится, на дому у С. М. собирались в те месяцы; здесь знакомлюсь с талантливыми студентами: с А. К. Виноградовым, с его другом, поэтом, которого так мы любили и на которого так мы надеялись: с Ю. А. Сидоровым (в 1908 году он скончался); из посещавших собрания Соловьева запомнились мне: М. А. Петровский, сын доктора, друга Владимира Соловьева, Е. П. Безобразова, А. А. Оленин, Нилендер, Арсеньев, Рачинский, Свенцицкий, Н. П. Киселев, Эллис, Н. И. и М. И. Сизовы, С. В. Гиацинтова, М. А. Венкстерн, Коваленская, Новский и Ю. П. Бартенев» [10, 507]. Уточняя этот список, Белый говорит о «естественно возникшем братстве»: «[А. С.] Петровский, я, Эллис, С. М. Соловьев, Э. К. Метнер, Нилендер,

Н. П. Киселев и Рачинский – образовали естественно возникавшее братство» [10, 380].

О библиографе и книговеде, секретаре издательства «Мусагет» в 1913–1915 гг. Николае Петровиче Киселеве (1884–1965) Белый пишет, вспоминая октябрьские дни 1905 г.: «Я, Эллис, [А. С.] Петровский – склонялись к меньшевикам; Соловьев – был эсером; Сизов и Н. П. Киселев – анархистами. Мне в это время особенно вычерчен строгий, корректный Н. П. Киселев, появляющийся среди нас; очень тонкий знаток романтической литературы, интересующийся поэзией трубадуров, историей оккультизма, упорно работающий над разнообразнейшими вопросами, но не доведший (по-моему, из добросовестности) ни одной работы до благополучного окончания, будущий музеевед, знаток книги, – он весь средневековая изысканная миниатюра; присутствие среди нас Киселева естественно придавало уют разговору, хотя он молчал, только изредка реагируя на фонтаны словесные Эллиса или фейерверки Рачинского четкой поправкою историко-литературного свойства; он тратил все деньги на ценные книги; и собирал инкунabuлы» [10, 168–169].

Здесь мы начинаем догадываться, почему людей круга Андрея Белого так тянуло работать в Румянцевском музее. Однако анонимный автор газетной заметки был не совсем прав: несмотря на то что в библиотеке музея многие московские книжники действительно нашли себе приют («свили гнездо», выражаясь языком того времени), необходимо – хотя бы справедливости ради – заметить, что многие из них нашли свое убежище среди книг задолго до революции 1917 г.

Вернемся теперь к Нилендеру. Что пишет Андрей Белый о нем?

«В эту (1905 г. – *П. П.*) осень же закрепляется мое сближение с Владимиром Оттоновичем Нилендером, – вспоминал А. Белый, – мы познакомились с ним в предыдущем году» [10, 171]. По поводу 1904 г. в мемуарах А. Белого (раздел «В московских кружках»), соответственно, читаем: «Этой осенью (904 года) я вновь поступил, механически как-то, на филологический факультет; и оказался теперь однокурсником с моим другом С. М. Соловьевым; среди товарищей, филологов первого курса, я помню поэта В. Ф. Ходасевича, литератора и поэта Б. А. Садовского, любителя-знатока утонченной классической филологии В. О. Нилендера, философа-когенианца Гордона, Б. А. Грифцова...» [10, 52].

Итак, перед нами «знаток классической филологии». «Он сперва заходил ко мне изредка, – говорит Белый, – главным образом со стихами; стихи его показались мне слабы; сперва я боялся его: из него дуло хаосом; в нем кипели потенции мыслей, – не мысли; все связи меж ассоциациями отсутствовали: никакой оформленности. Но потом, приглядевшись, я понял, что в этой бесформенности Нилендера была редкая, ценная правда; и – *метод*; тут сказывалось желание освободиться от всех предпосылок сознания и независимо посмотреть на мир внутренний, копошащийся хаосом; все по сравнению с Нилендером в шорах ходили <...> Все другие искатели мирозрений, уподобляясь рыбакам, – удят с берега; и вытаскивают мелких рыбок (мыслишки); Нилендер же, как водолаз, погружается в темные глубины пучины морской, там вступая в бой с осьминогами (с очень крупными мыслями, прозирающими начало культур, их подъятие из низин подсознания); и – не умеет отчетливо в них разобраться он; он все влекся к проблеме мистерии, углублялся в детальное изучение орфических гимнов; но зная, что Лобеки и Вилламовицы в этой области не водолазы, а только удящие с берега и потому вытягивающие вовсе мелкую рыбу (побочных идеек), отверг он теории компиляции и зарылся в огромные словари, углубился в первейшее описание мало читаемых текстов, чтобы в пучинах ловить настоящие мысли о древности: и при посредстве их действительно расшифровать злободневную современность; в разговорах с Нилендером почерпал очень многое я; он сумел мне поставить проблему античных мистерий как то, что живет в нас доселе» [10, 171–172].

Приходится отметить, однако, что Владимиру Оттоновичу так не удалось «освободиться от всех предпосылок сознания» и разобраться «в очень крупных мыслях, прозирающих начало культур». Во всяком случае, ничего выдающегося – превышающего творения «Лобеков и Вилламовицев» – он так и не создал. На это, конечно, всегда и вполне справедливо можно возразить: «Время было такое». Революция 1905 г., потом две революции 1917 г., Первая мировая война, Гражданская война, Вторая мировая, сталинизм... Единственный контраргумент, на наш взгляд, состоит здесь в следующем. Если важнейшая идея, которую, судя по описанию А. Белого, долгие годы пытался развить и доказать Нилендер, сводятся *in nuce* к тому, что «копошащийся хаос» древних мистерий «живет в нас доселе», что древнее начало культуры – ключ

к «расшифровке злободневной современности», то эпоха войн и революций, эпоха «распада связи времен», в которую жил сам Владимир Оттонович, была лучшей «лабораторией» как для подтверждения правильности его общей идеи, так и для конкретной «действенной расшифровки» современности.

Мы приводим этот аргумент, однако, не ради философского спора, а лишь для того чтобы иметь случай упомянуть, что в определенном смысле В. О. Нилендеру все же удалось продемонстрировать верность хода его мыслей: продемонстрировать самой своей жизнью.

Трудно сказать, то ли он действительно уловил нечто *мистериальное* в «духе времени» и понимание этого духа помогло ему стать, несмотря на его уникальные интересы и образованность, соответствующим своей эпохе: верное понимание времени, пусть даже в условно-филологических терминах, предоставляет человеку определенные преимущества по отношению ко всем «ходящим в шорах» (эти же преимущества мы приписываем, например, М. М. Бахтину, работавшему в ту же эпоху тему «карнавала»); то ли (мы склоняемся к этому, более простому варианту) его внутренний, «копошащийся хаосом» мир, проявившийся в его неукротимой энергии, был усилен – «пришел в резонанс» – агрессивным давлением его социального окружения и нелегких материальных обстоятельств. Как бы там ни было, обладавший живым умом и деятельным характером, Владимир Оттонович оказался весьма востребован в Румянцевском музее (позднее – в других московских учреждениях культуры), особенно с учетом необходимости совершения частых служебных командировок в подмосковные усадьбы, предпринимать которые в 1919–1920 гг., во времена разрухи и голода, было совсем непросто.

Свидетельством сказанного является то, что руководство Румянцевского музея усердно ходатайствовало об освобождении Нилендера от службы в рядах Красной армии. Интересна характеристика, которая при этом дается Владимиру Оттоновичу:

«8/VIII-1919 г. <...> В. О. Нилендер является ближайшим помощником заведующего Отделом классической филологии библиотеки в деле пополнения его книгами, главным образом изданиями, давно вышедшими из продажи и чрезвычайно трудно находимыми. В деле этом В. О. Нилендер является незаменимым специалистом. Являясь блестящим знатоком в вопросах класси-

ческой филологии, имея такие научные труды, как изданные им “Фрагменты” Гераклита, и работая в настоящее время над орфическими гимнами, В. О. Нилендер в то же время специально изучал антикварную сторону книжного дела, чему много способствовала предшествующая его служба в 1-м Государственном университете.

Ввиду всего вышеуказанного он является незаменимым экспертом и знатоком старинных изданий, которые составляют большой % книжных поступлений в Отдел классической филологии. Призыв его на военную службу коренным образом нарушил бы работу отдела, так как именно сейчас пополнение старинными и редкими изданиями составляет одну из важнейших сторон деятельности отдела» [9, л. 5–5об.].

Оказывается, таким образом, что В. О. Нилендер – филолог-классик с большим интересом к «антикварной стороне книжного дела». В 1967 г. другой филолог-классик – известный философ А. Ф. Лосев – написал небольшой очерк «Из воспоминаний о В. О. Нилендере».

«С В. О. Нилендером, – вспоминал Алексей Федорович, – я познакомился в 1911 г., когда я поступил в МГУ на отделение классической филологии. В то время В. О. Нилендер либо уже кончил университет и приходил только на интересные для него занятия (тогда это разрешалось), а может быть был на последнем курсе. Уже в это раннее для себя время он был и настоящим научным работником, и деятелем культуры. Научная деятельность его выразилась в том, что в 1910–1911 гг. вышли его “Фрагменты Гераклита” с греческим текстом, с русским переводом, комментариями и библиографией. Кроме того, В. О. Нилендер уже в то время был членом редколлегии журнала “Труды и дни”. У него было обширное знакомство с кругами символистов. В Москве не было ни одного символиста, с которым он не был бы в приятельских отношениях. Лично меня он познакомил с Вяч. Ивановым для консультации по одной филологической работе, поскольку сам В. Иванов был доктором германского университета и учеником Моммсена. <...> Как страстный любитель книги и сын директора гимназии, он (Нилендер. – П. П.) уже тогда имел огромную библиотеку, которую неизменно пополнял. В этой библиотеке были такие уника, которых нельзя было найти во всей Москве. Однако тем, кто будет знакомиться с архивом В. О. Нилендера, нужно оставить всякую надежду на получение не только редких, но и вообще каких бы то ни было книг, принадлежав-

ших В. О. Нилендеру. Дело в том, что во время революции он несколько раз менял место своей службы и в связи с этим менял свою квартиру, а это всегда приводило к гибели многих книг. Так, он мне сам говорил, что при переезде с Ваганьковского переулка, из дома, принадлежащего Ленинской библиотеке, на Метростроевскую, у него бесследно погибло два автомобиля с книгами. Кроме того, в период Отечественной войны В. О. Нилендер сильно нуждался и по необходимости должен был ликвидировать многие ценные книги» [11, л. 1–2].

Здесь, в рамках нашей узкой темы, может возникнуть вопрос: существовала ли личная заинтересованность у Нилендера в его антикварных экспедициях по русским усадьбам? Мандат Румянцевского музея наделял его большими полномочиями и свободой действий. Могла ли при этом страстная натура коллекционера оставить без внимания те редкие книги, которые явно пропадали от сырости и были подвержены постоянной угрозе пожара, однако, по тем или иным причинам, не нужны были Румянцевскому музею?

В Архиве РГБ хранится дело на 7 листах: «Списки книг Архангельской библиотеки. 1920 г.» [12]. Эти выполненные на тонкой желтой бумаге «слепые» списки требуют скрупулезной расшифровки. Они писались от руки синим карандашом (возможно, под копирку) с двух сторон и местами сильно выцвели. В одном месте они практически не читаются из-за того, что текст, написанный химическим карандашом на лицевой части листа, проступил на оборотной и скрыл обозначенные там книги. Хронологические рамки вошедших в списки книг: 1503–1901 гг. Значительная часть книг на французском языке издана в Париже в XVIII – первых десятилетиях XIX вв. Всего в списках 482 экземпляра книг. Некоторые наименования имеют более чем один экземпляр.

Задача проследить судьбу каждой книги из этого списка (по-прежнему ли она хранится в РГБ или ее уже «нет на месте», где она теперь «обитает» и как она могла туда попасть) потребует от исследователя колоссальных усилий, которые совсем не обязательно должны увенчаться успехом. Но даже выполнение этой грандиозной задачи не приведет нас к ответу на поставленный выше вопрос – вопрос о том, откуда на антикварном рынке и в домашних библиотеках стали появляться книги с экслибрисами национализированных усадебных библиотек.

«Вторая волна» передачи книг из усадьбы «Архангельское» в Румянцевский музей состоялась в 1927–1928 гг. В 1919 г. Нилендер снял лишь «сливки». В «Отчете Государственного Румянцевского музея за 1916–1922 годы» по этому поводу читаем:

«Собрания, переданные Румянцевскому музею в порядке национализации. 1919 год. <...>

32. Бывшего великого князя Сергея Александровича, из села Ильинского, Звенигородского уезда, Московской губернии. – 225 томов роскошных изданий, главным образом, иностранных; описана. (В. О. Нилендер командировался музеем и в эту усадьбу. – П. П.)

33. Кн. Юсуповых из имения Архангельского, Звенигородского уезда, Московской губернии. – Перевезено и описано 2287 томов, преимущественно роскошные и редкие издания XVIII и XIX веков и более ранние; остальная часть остается невывезенной за недостатком транспортных средств» [13, 49–50].

Первым среди документов, непосредственно указывающих на приезд В. О. Нилендера в Архангельское и итоги его деятельности там, значится мандат, интересный упоминанием А. С. Петровского:

«15/XI–1919.

№ 2487.

Мандат.

Ученая коллегия Государственного Румянцевского музея поручает научному сотруднику В. О. Нилендеру принять участие в отборе, упаковке и вывозе книг из имения «Архангельское», производимом командированным туда заведующим отделом библиотеки А. С. Петровским.

Председатель Ученой коллегии (подпись) Виноградов.

Секретарь (подпись) Пашуканис» [9, л. 14а].

Речь идет о том самом Алексее Сергеевиче Петровском, который вместе с А. К. Виноградовым в качестве члена Ученой коллегии Румянцевского музея принимал на работу Нилендера. Из текста мандата становится ясно, что именно заведующий отделом библиотеки Румянцевского музея А. С. Петровский был первым человеком, который посетил Архангельское от Румянцевского музея еще до Нилендера. Возможно, при приеме Владимира Оттоновича на работу он уже планировал использовать Нилендера на «архангельском участке» деятельности Румянцевского музея, который до этого он сам разведал.

Второй документ хранит точные даты пребывания В. О. Нилендера в Архангель-

ском, а также итоги этого пребывания, включающие небезыңтересные для историка экономической культуры того времени денежные расчеты:

«[Резолюция:] Пятъсот пятьдесят рублей за пять суток уплатить.

В. Голицын.

А. Виноградов.

Московский и Румянцевский музей

“22” ноября 1919 г.

№ 1715.

В Ученую коллегияу Московского и Румянцевского музея

научного сотрудника библиотеки

В. О. Нилендера

заявление.

Сообщаю, что в командировке в имение Архангельское я находился с 17 по 21 ноября, то есть 5 дней. Книги отобраны и запакованы, привезены в библиотеку будут (*далее зачеркнуто*: согласно. – П. П.) автомобилем Коллегии по делам музеев в ближайшее время.

Прошу о выдаче мне суточных за пять дней.

В. Нилендер. 22 ноября 1919.

[Резолюция:] Требуется удостоверение на командировку от старшего библиотекаря. Ученый секретарь А. Виноградов.

Командировка выполнена. Заведующий отделом библиотечного распорядка библиотеки Государственного Румянцевского музея – Б. Лебедев. 24/XI–1919» [9, л. 15].

Из последнего найденного нами документа, освещающего еще одну поездку Нилендера в Архангельское, выясняется, что «ближайшего времени», о котором он упоминал в своем заявлении от 22 ноября 1919 г., пришлось ждать почти год:

«2.VIII.1920.

[№] 2216.

Мандат.

Предъявитель сего эмиссар Государственного Румянцевского музея В. О. Нилендер командировается в имение «Архангельское» для вывоза на автомобиле Комитета помощи больных и раненых красноармейцев (так в тексте. – П. П.) при В. П. и К. книг из библиотеки дворца в библиотеку Румянцевского музея.

/ Директор музея – А. Виноградов.

Ученый секретарь –» [9, л. 21].

Опираясь на данные документы и приведенную выше выписку из «Отчета Государственного Румянцевского музея за 1916–1922 годы», подведем промежуточный итог.

Первоначальный отбор книг для Румянцевского музея из имения «Архангельское» осуществлялся в 1919 г. заведующим отделом библиотеки Румянцевского музея А. С. Петровским. Позже – в ноябре того же года – на этой работе его сменил В. О. Нилендер. Вывоз «первой волны» осуществлялся в два этапа: в 1919-м и 1920-х гг. В том же 1919 г., вероятно одновременно с первыми книгами, был вывезен архив З. Н. Юсуповой, в котором хранились описанные нами выше документы за 1866–1908 гг. Можно предположить, что архив Юсуповой вывозил именно Нилендер. Другое предположение – о том, что вывоз архива в свой первый приезд осуществил Петровский, – очевидно, менее вероятно, хотя тоже возможно.

Как бы там ни было, фигура А. С. Петровского – превосходного «старорежимного» специалиста, представителя «руководящего состава» Румянцевского музея и послереволюционного «первопроходца» Архангельского – в рамках нашего исследования оказывается не менее значима, чем фигура В. О. Нилендера.

Алексей Сергеевич Петровский

А. С. Петровский долгое время состоял в переписке с Андреем Белым, начавшейся еще до революции [14]. Их дружба завязалась осенью 1899 г., когда оба они стали студентами Московского университета. Меткие в их метафоричности и, ввиду указанной многолетней дружбы, заслуживающие доверия характеристики, которые дает Белый Петровскому в своих мемуарах, важны для нас: принимавший решения «на месте», то есть непосредственно в Архангельском, Алексей Сергеевич среди всех вышеупомянутых библиографов обладал, видимо, высшим уровнем квалификации. Весьма интересно узнать, какой он был человек.

«Маленький ростом, всегда моложавый, как мальчик, – описывает Андрей Белый облик Петровского, – всегда улыбающийся, не то робко, не то саркастически, и поглядывающий внимательно из-под пенсне небольшими, но умными карими своими глазами – не выдавал он огромных моральных в нем бывших исканий; и больше – молчал: только изредка взрезывал метким словечком невольную фальшь; его многие очень считали язвительным, саркастическим, “угашающим свет”; но среди ряда годин (уже 22 года с ним связан я) мне стоит он охваченный пламенем яркой любви и морального пафоса;

жизнь его – самопожертвование; и работа: для близких, для страждущих, для культуры; необходимость присутствия А. С. Петровского во всех лучших кружках возникала естественно, хотя он не был автором замечательных сочинений; и не был оратором; он бы мог быть и тем и другим; необычайная скромность, преувеличенная самокритика отрезала его всегда от поверхностных выявлений; он сам себя с удивительным упрямством усаживал в тень; между тем: всеми чувствовалась – необходимость Петровского; он оказывался приглашенным всюду: присутствовал в соловьевском кружке (и М. С. и О. М. Соловьевы ценили его чрезвычайно, считаясь с его мнением)» [10, 59].

Здесь речь идет о Михаиле Сергеевиче Соловьеве (1862–1903), педагоге, переводчике, издателе сочинений известного русского философа Вл. С. Соловьева, отце упоминавшегося выше друга Андрея Белого – С. М. Соловьева; Ольга Михайловна Соловьева (урожд. Коваленская, 1855–1903) – художница, переводчица, жена М. С. Соловьева, мать С. М. Соловьева. Далее, среди прочего, А. Белый упоминает «Орфей», религиозно-мистическое отделение московского символистского издательства «Мусагет», а также издательство Русского Антропософского общества, основанное в Москве в 1916 г.: «Впоследствии А. С. Петровский был действительным начинателем “Мусагета”, заведующим отделением “Орфей”; еще позднее все бремя издательства “Духовное знание” лежало на нем; всюду, всюду, где лишь возникали культурные начинания и вставал вопрос, кого б пригласить на организационное собрание, говорили: “Конечно же Алексея Сергеевича”. И Алексей Сергеевич, маленький, моложавый, как мальчик, лукаво поглядывая из-под пенсне, появлялся, садился, молчал, чутко вглядываясь и вслушиваясь; если казалось ему – что начинание дуто, он исчезал так же тихо, как появлялся; а если он видел действительность обсуждаемых планов, он незаметно, само собой начинал помогать, как умел (а умел он всегда помогать: здесь – советом, там – дружескою поддержкою, там – ссылкой на литературу). Самые разнообразные люди считались с ним: Эллис, Рачинский, М. С. Соловьев, Эрн, Свенцицкий, А. Блок, Вячеслав Иванов, Бердяев, Морозова, Гершензон, братья Метнеры, М. А. Оленина-д’Альгейм, П. И. Астров, еще кто?

Не говорю о себе, – заканчивает пассаж Белый, – я считаю, что многое, очень многое из того, что составило устремление моей жиз-

ни, возникло, конечно же, не во мне, а в кругу, очень маленьком, подлинных культур-трэгеров – символистов, среди которых Петровский – незабываемая фигура, оформившая устремления многих деятелей тогдашней Москвы» [10, 60].

Теперь, для полноты картины, дополним сказанное фактами, которые сообщает сам Петровский в автобиографии, составленной 3 марта 1943 г.

«Я родился, – пишет он, – в Москве в 1881 г. в семье профессора. Окончил Московский университет по естественному отделению физико-математического факультета в 1903 г.

1 января 1907 г. поступил в библиотеку Румянцевского музея; сначала работал по каталогизации фондов, затем был переведен на должность заведующего каталогом, в какой-то пробыв до 1918 г. В мае 1914 г. был командирован за границу для ознакомления с постановкой библиотечного дела в крупнейших библиотеках Европы.

После Революции (так в тексте. – П. П.) занимал последовательно должности заведующего научным отделом философии и психологии, а с 1928 г. по 1931 г. – сектором комплектования, русского и иностранного. Одновременно принимал деятельное участие в реорганизации библиотеки, согласно новым требованиям, выдвигнутым Революцией и переходом нашего Отечества к новым формам жизни.

В 1918–1928 гг. много раз ездил для отбора книг из национализированных усадебных библиотек и своза их в Румянцевский музей.

В 1919 г. составил по поручению дирекции первую советскую инструкцию для алфавитного каталога, так как до тех пор в библиотеке никакой инструкции не существовало. В связи с этой работой перевел на русский язык две иностранные инструкции: англо-американскую и баварскую» [15, л. 120].

Библиотечная судьба, в чем-то весьма похожая на судьбу Л. И. Сперанской. Хотя, по крайней мере, одно существенное отличие в биографии Петровского все-таки есть. «К сообщенным в настоящей автобиографии сведениям, – пишет Алексей Сергеевич на отдельном листе, – считаю необходимым, во избежание недоразумений, добавить, что в 1931 г. я был репрессирован по ст. 58, пункты 10 и 11 Уголовного кодекса и вернулся в Москву по отбытии приговора в 1933 г. Я не считал нужным упоминать об этом в автобиографии, так как на основании ст. 55, пункта 3 Уголовного кодекса моя судимость считает-

ся аннулированной и я не обязан упоминать о ней в анкетах (см. Уголовный кодекс, издание 1942 г., стр. 132–133). А. Петровский» [15, л. 122].

Итак, в 1918–1928 гг. А. С. Петровский «много раз ездил для отбора книг из национализированных усадебных библиотек и своза их в Румянцевский музей». Интересующий нас мандат, которым Румянцевский музей поручал «заведующему Научным отделом библиотеки Алексею Сергеевичу Петровскому вывести книги из имения Архангельское» [15, л. 65] помечен 25 октября 1919 г. (Мандат В. О. Нилендера, напомним, был выписан через 3 недели – 15 ноября 1919 г.)

С тех пор, вплоть до 1927 г., то есть до начала «второй волны» вывоза книг из имения Юсуповых, Алексей Сергеевич, видимо, в Архангельское не ездил. Во всяком случае, в 1920 г. в его личном деле мы не нашли соответствующих предписаний. К этому можно добавить, что в 1920 г. на посещение Архангельского у Петровского просто могло не хватить времени, поскольку он посвятил себя осмотру архивов и библиотек в других бывших имениях Подмосквы. Приведем в связи с этим один документ:

«10/VI–1920 г.

№ 1618.

Мандат.

Ученая коллегия Государственного Румянцевского музея настоящим командует заведующего Научным отделом библиотеки Алексея Сергеевича Петровского в имение «Леваново», бывшее Зубалова, на станции Одинцово по Александровской железной дороге, для производства описи библиотеки и художественных ценностей, находящихся в «доме Музея» в «Леванове».

Ученая коллегия просит все советские учреждения и лиц, от коих это будет зависеть, оказать возможное содействие тов. Петровскому, а железнодорожную организацию – в получении вне очереди билета и посадки в вагон.

Председатель Ученой коллегии –
Ученый секретарь –» [15, л. 67].

От документа веет «духом эпохи»: железнодорожная разруха – небольшой, но важный фрагмент исторической картины того времени. Не менее важным для нас является то, что он устанавливает весьма широкие полномочия эmissара Румянцевского музея. Петровский должен был оценить и отобрать не только книги, но и художественные ценности. В эти же полномочия органично входила и работа с архивами:

«Копия.
Российская Федеративная Советская Республика.

Народный комиссариат по просвещению.

Отдел научных библиотек.

12 августа 1920 г.

№ 2977/IX.

Москва.

Новинский бульвар, д. № 36.

Телефон 1-39-76.

Мандат.

Отдел научных библиотек Народного комиссариата по просвещению, согласно декрета Совета народных комиссаров от 17 июля сего года о передаче в ведение Народного комиссариата по просвещению учета, охраны и распоряжения всеми государственными и национализированными библиотеками РСФСР Республики, поручает эмиссару Отдела, библиотекарю Государственного Румянцевского музея Алексею Сергеевичу Петровскому, осмотреть архив в имени «Ольгово», бывших Апраксиных, на станции Яхрома Савеловской железной дороги, и вывести таковой архив в Румянцевский музей.

Отдел научных библиотек просит все советские учреждения и всех лиц, от коих это будет зависеть, оказать ему полное содействие при выполнении возложенного на него поручения.

Заведующий Отделом – замнарком Мих. Покровский.

Секретарь – Креницын.

С подлинным верно:

/Секретарь музея – С. Добролюбов.

М.п. [документ скреплен круглой печатью: «Народный комиссариат по просвещению. Государственный Румянцевский музей»]» [15, л. 70].

Данный архивный документ подтверждает возможность, о которой мы говорили раньше: если даже не сам Петровский вывез архив З. Н. Юсуповой из Архангельского, то, по крайней мере, он мог первым эти документы осмотреть и предназначить к транспортировке. Публикуемый источник говорит, что квалификация, необходимая для выполнения подобного поручения, была признана за А. С. Петровским на уровне Наркомпроса.

Внимательное чтение личных дел библиотечных сотрудников, объединившихся вокруг архивного и книжного наследия князей Юсуповых, хранившегося в усадьбе «Архангельское», оставляет впечатление чтения одного и того же длинного «личного дела» русской культуры начала XX в. Точнее говоря – впечатление чтения ее

некролога. В нем, как в любом некрологе, замалчиваемые факты вписаны между строк. Неизбежность прочтения этих тайных строк известна, по крайней мере, с библейских времен: «Все тайное станет явным». Однако, если принять эту мудрость как девиз науки, придется констатировать, что время открытия тайного – как и степень достигнутой ясности этого открытия – имеет значение.

В личном деле А. С. Петровского хранится письмо от 15 марта 2002 г. от архивариуса Серафимо-Дивеевского монастыря (с. Дивеево, Нижегородская обл.) директору РГБ, в котором говорится: «В 1932 году была арестована его (А. С. Петровского. – П. П.) сестра, Елена Сергеевна Петровская (схимонахиня Иоасафа), бывшая насельница нашего монастыря. В настоящее время пытаемся восстановить ее биографию и в следственном деле обнаружили запись о ее брате. В 1932 году он работал в Вашей библиотеке» [15].

О Елене Сергеевне Андрей Белый вспоминал очень тепло: «Проведенные миги в Дивееве, впечатление от монашек и впечатление от разговора с сестрою Петровского, милой Еленой Сергеевной, посвятившей себя по окончании гимназии Фишер суровому, монастырскому подвигу, великолепные окрестности и канавка, прорытая самим Серафимом вокруг монастырской обители, не имеющей стен, – до сих пор в моей памяти ясны, светлы» [10, 20].

О первом наказании А. С. Петровского, которое он, как выясняется из только что цитированного письма, отбывал одновременно с его сестрой (по обвинению в «аса»: «антисоветская агитация»), мы уже знаем. Однако документы его личного дела говорят о фактах, которые он предпочел не упоминать в автобиографиях.

«Личное дело.

В ОГПУ.

Коллектив служащих Российской публичной библиотеки им. Ленина (бывшего Румянцевского музея) обращается с ходатайством об ускорении дела Алексея Сергеевича Петровского, проживавшего по Моховой, дом № 3, кв. 10 (ордер от 8-го марта 1924 года за № 1720).

Ходатайство это возбуждается коллективом ввиду того, что он один из немногих исключительных спецов по библиотечному делу и отсутствие его работы сказывается весьма заметно.

17-го октября 1924 года.

Подлинный подписали 124 сотрудника» [15, л. 78].

Подпись 124 сотрудников под ходатайством об ускорении дела Алексея Сергеевича, то есть под «юридически грамотной» просьбой об его освобождении, конечно, впечатляет: всего 10 годами позднее не нашлось бы, наверное, и 4 подписей, и вовсе не потому, что к тому времени Алексей Сергеевич перестал быть «исключительным спецом по библиотечному делу». Впечатление усиливает подклеенная к ходатайству справка:

«Личное дело.

№ 2059.

2/ХП–1924 г.

Справка.

О службе Алексея Сергеевича Петровского.

Состоит на службе в библиотеке с 1-го января 1907 г., за каковое время занимал разные должности, в том числе заведующего каталогом, заведующего читальным залом и заведующего научным отделом педагогики, психологии, философии и истории религии.

Вполне европейски образованный библиотекарь, он является одним из наиболее опытных, энергичных, преданных своему делу и ценных сотрудников библиотеки, превосходно знающий библиотеку, библиотечную технику и литературу не только своего отдела, но и ряда других; в случае надобности может занимать (в тексте: заменять. – П. П.) ряд других ответственных должностей, а потому для библиотеки является работником незаменимым.

В течение долгого ряда лет состоял членом Ученого совета. Принял деятельное участие в реорганизации библиотеки и ее отделов и, главным образом, в выработке каталогографической инструкции, принятой библиотекой в качестве обязательного руководства. Являясь главным ее создателем, он продолжал ее совершенствовать, между прочим, как член специальной комиссии Кабинета библиотековедения.

Председатель Коллегии по управлению Российской публичной библиотеки имени Ленина – Д. Егоров.

/Секретарь – Г. Креницын» [15, л. 80].

Получается, что еще до ареста в 1931 г. Петровский был арестован 8 марта 1924 г. Приведенная справка помечена 2 декабря 1924 г.: в это время он, видимо, все еще находился в тюрьме. Со времени ареста прошло 9 месяцев. Освобожден он был, скорее всего, тоже в декабре 1924 г. Приступил к работе в январе 1925 г. [15, л. 81].

Через два года по поручению Главнауки А. С. Петровский уже участвует в упоминавшей-

ся «второй волне» вывоза книг из бывшей усадьбы «Архангельское»:

«Копия.

Наркомпрос.

Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаука).

Секретариат.

29 ноября 1927 года.

№ 50562.

г. Москва.

Мандат.

Выдан сотрудникам Публичной библиотеки Союза ССР имени В. И. Ленина, главному библиотекарю Алексею Сергеевичу Петровскому и научным сотрудникам Вячеславу Никандровичу Самуилову и Николаю Васильевичу Сотникову, в том, что они командированы в музей-усадьбу «Архангельское» для отбора, приема и вывоза книг и библиотечного инвентаря (шкафов), передаваемых Ленинской библиотеке.

За Начальника Главнауки – Кристи.

Секретарь управления – Лукьянов.

С подлинным верно: Секретарь – Г. Креницын» [15, л. 96].

В 1927 г. (в отличие от 1919 гг., когда дворянские усадьбы еще грабились и сжигались) главная угроза книгам заключалась в далеких от необходимых норм условиях их хранения. Представляется, однако, что не меньшую роль, чем забота о сохранности книг, сыграл мотив доведения начатого дела централизации богатств бывших имений (впоследствии – музеев и санаториев) до конца, то есть доведение до конца хода запущенного в 1919 г. «маховика» бюрократической машины. Изъятие не только книг, но и книжных шкафов (представлявших, возможно, особую музейную ценность) подтверждает это.

Тем не менее ясно, что во время выполнения этого, во многом уже сугубо технического, поручения перед главным библиотекарем Ленинской библиотеки А. С. Петровским стояла задача, требующая наибольшей квалификации: задача по выявлению и отбору редких и ценных книг. На этом предположении, однако, нам придется остановиться. История «второй волны» вывоза книжных богатств из бывшего имения Юсуповых в 1927–1928 гг. с ее собственным «детективным» сюжетом требует особого рассмотрения, выходящего за рамки нашей работы. Алексей Сергеевич прожил долгую жизнь, полную книжных трудов: он умер в 1958 г., через четверть века после смерти своего друга Андрея Белого [16].

Наталья Сергеевна Воскресенская

Нам необходимо рассказать еще о двух людях, прямо связанных с историей передачи в Румянцевский музей книжных богатств, хранившихся в Архангельском. Прежде всего речь идет о человеке, под чьим руководством было организовано спасение архивов и книг из дворянских подмосковных усадеб в целом, включая имение «Архангельское», в частности, о директоре Румянцевского музея Василии Дмитриевиче Голицыне. Начнем мы, однако, не с него, а с многолетней сотрудницы библиотеки этого музея – с Натальи Сергеевны Воскресенской.

Вот что пишет Л. М. Коваль, исследовательница, непосредственно познакомившаяся с этой интересной особой: «[В 1921 г.] Василию Дмитриевичу Голицыну – 65 лет. Художник, он ездит в экспедиции, принимает участие в создании в систематическом каталоге библиотеки раздела “Искусство”. Пишет картины. Автору [Л. М. Коваль] рассказывали, что видели его картины в разных краеведческих музеях. В Музее истории Российской государственной библиотеки хранится завещанный музеем прекрасный портрет Натальи Сергеевны Воскресенской, сестры Павла Сергеевича Воскресенского, научного сотрудника Румянцевского музея с 1918 г. Автор портрета – В. Д. Голицын (1920 г.).»

Сама Н. С. Воскресенская, тогда студентка филологического факультета МГУ, пришла сюда вслед за своим профессором С. К. Шамбинаго и сразу включилась в работу над созданием систематического каталога. Молодая, красивая, умница, она с мандатом Румянцевского музея, подписанным В. Д. Голицыным, в 1919 г. ездила описывать библиотеку Юсупова в Архангельском.

Я [Л. М. Коваль] не удержалась и спросила Наталью Сергеевну, что подвигло немолодого директора Государственного Румянцевского музея написать портрет молоденькой сотрудницы. Наталья Сергеевна посмотрела на меня строго и ответила: “Мы были люди одного круга” [17, 267–268].

Так мы узнаем, что в октябре 1919 г. А. С. Петровский (а быть может, и В. О. Нилендер в ноябре того же года) ездил в Архангельское не один, а с Н. С. Воскресенской – сестрой П. С. Воскресенского, «научного сотрудника Румянцевского музея с 1918 г.», по своей эрудиции и организаторским способностям не уступавшего А. С. Петровскому.

Здесь важно заметить, что «люди одного круга» собирались в Румянцевском музее отнюдь не по сословному признаку. В. Д. Голицын принадлежал к родовитому российскому дворянству. Воскресенские были разночинцами. Интересно также, что Н. С. Воскресенская в 1919 г. ездила описывать юсуповскую библиотеку в качестве «волонтера», исходя из необходимости этого труда, поскольку в Румянцевском музее официально еще не работала.

В Архиве РГБ, в «Личном деле Н. С. Воскресенской», хранится приложение к газете «Вечерняя Москва» от 25 февраля 1992 г., в котором опубликовано интервью с ней. Наталья Сергеевна дала его после отмеченного ей столетия со дня рождения. (В своем интервью Н. С. Воскресенская, в частности, вспоминает, что к ее столетнему юбилею М. С. Горбачев счел нужным прислать цветы [18, 9].)

Данное интервью подтверждает две важные для нас мысли. Во-первых, в интересующий нас период времени 1919–1920 гг. Румянцевский музей действительно собирал «под свое крыло» носителей культуры – тех, кого А. Белый назвал «культур-трэгерами» – вне зависимости от их сословной принадлежности. Во-вторых, формальным общим признаком этих «людей одного круга» оказалось знание иностранных языков, необходимое, в частности, для работы с архивом и библиотекой князей Юсуповых. Это же знание, как мы уже отмечали выше, стало «клеймом» для собравшихся в Румянцевском музее «бывших» в глазах представителей «рабоче-крестьянского» общества, которое быстро перерождалось в массовое общество тоталитарного типа.

«Родилась я в Рязани, – вспоминает Воскресенская. – <...> Нас было две сестры и три брата. <...> Папа умер, когда мне было 6 лет, и мама отдала меня в Николаевский сиротский институт, известный в свое время. Здание нашего пансиона представляло собою квадрат. Одна часть выходила к Китай-городу. Другая примыкала к Солянке. Его еще называли воспитательным домом, потому что на верхнем этаже воспитывались подкинутые дети.

С этого времени я стала жить в Москве. Пансион готовил домашних учительниц. Ведь я сама из семьи разночинцев, как тогда говорили. Отец был учителем. Но я должна заметить, что уровень образования, что давал пансион, был очень высок. Разговаривать на русском позволялось только в выходные дни, занятия же велись – день на французском, день на немецком. <...>

Я поступила в университет, на романское отделение историко-филологического факультета. Там изучала латынь, немецкий, французский. В 1921 году окончила и пришла работать в библиотеку Румянцевского музея, стала заниматься западноевропейской литературой. Впоследствии эта библиотека и преобразовалась в Ленинскую. А тогда ее директором был великолепно образованный человек, Василий Дмитриевич Голицын» [18, 9].

Василий Дмитриевич Голицын

Говоря о Василии Дмитриевиче, стоит сразу заметить, что к усадьбе «Архангельское» род Голицыных имеет непосредственное отношение: до Юсуповых Архангельским владели Голицыны. В 1810 г. вдова Николая Алексеевича Голицына (1751–1809) продала усадьбу Николаю Борисовичу Юсупову (1751–1831), прадедушке Зинаиды Николаевны Юсуповой.

В монографии М. А. Крючковой и В. Г. Парушевой, посвященной «русскому Версалю» – усадьбе «Архангельское» [19], – читаем о том, что один из прямых потомков Николая Алексеевича Голицына, «Дмитрий Михайлович (1827–1895), известный под прозвищем “Митридат”», в 1856 г. «женится на фрейлине Зинаиде Васильевне Ладомирской (1832–1895), и от этого брака родилось три сына – Василий (1857–1926), Дмитрий (1859–1859) и Алексей (1872–1927), и две дочери – Анна (1860–1886) и Софья (1863–1930).

О старшем сыне Дмитрия Михайловича Василии Дмитриевиче необходимо рассказать подробнее, – пишут авторы монографии. – Он учился в Пажеском корпусе и, едва закончив его, в августе 1877 года отправился на войну с Турцией. Это был сознательный выбор молодого офицера, который, будучи камер-пажом, мог вступить в любой полк, но выбрал лейб-казачий, потому что тот одним из первых отправился на Дунай. <...> За переход через Балканы Голицын был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, за взятие Филиппополя – орденом Св. Анны 4-й степени с надписью “За храбрость”. <...> После возвращения с войны Василий Дмитриевич прослужил еще семь лет, а в 1885-м ушел в отставку в чине полковника. В 1910 году он был назначен директором Румянцевского музея в Москве и очень много сделал для его развития и процветания. При нем музей стал получать деньги на комплектование фон-

дов, была построена новая картинная галерея, книгохранилище и читальный зал на 300 мест. В 1913 году по инициативе Голицына было создано Общество друзей Румянцевского музея. <...> Первые четыре послереволюционных года Василий Дмитриевич продолжал руководить Румянцевским музеем в должности председателя Комитета служащих. Кроме того, в 1918 году его пригласили работать в Музейно-бытовую комиссию Моссовета, которая занималась обследованием усадеб, личных коллекций, библиотек и выдачей охранных грамот их владельцам.

В 1921 году Голицын был арестован чекистами, но вскоре отпущен без предъявления обвинения. После ареста, однако, он уже не возглавлял музей, а занимал должность заведующего художественным отделом Государственного Румянцевского музея, а после преобразований – Государственной библиотеки СССР им. Ленина. В 1926 году он был расстрелян большевиками» [19, 192–194, 195].

Из этого повествования перед нами предстает образ «офицера и дворянина», «честного служаки» с накопленным к октябрю 1917 г. немалым опытом музейного строительства. Обратим, однако, особое внимание на два факта.

Во-первых, в цитированном отрывке мы находим указание на то, что в 1918 г. В. Д. Голицын был приглашен «в Музейно-бытовую комиссию Моссовета», которая занималась, говоря кратко, спасением архивов, библиотек и художественных ценностей русских усадеб. Откуда шла инициатива такого спасения – «снизу», от «старорежимных» специалистов, к которым необходимо отнести и самого Василия Дмитриевича, или «с самого верху», от членов правительства, которые видели, как легко и безвозвратно гибнет веками копившееся богатство России, – сейчас для нас неважно. Важно лишь то, что В. Д. Голицын не только обладал официальными полномочиями в деле такого спасения, но и – как мы уже говорили выше – на свой страх и риск расширил эти полномочия, принимая на работу в Румянцевский музей представителей российской интеллигенции, давая им «убежище», то есть, по существу, спасая их. Именно эти люди, в свою очередь, пытались сохранить «рвущуюся связь времен»: передать, по возможности в целостности, будущему – каким бы оно ни было – архивное и книжное наследие русской культуры.

Во-вторых, цитированная монография «Русский Версаль» представляется вполне добротной работой, заслуживающей всяческого

внимания. Тем досаднее признавать, что авторы данного труда без всяких ссылок на источники поспешили написать о том, что в 1926 г. В. Д. Голицын «был расстрелян большевиками». Для историка важно чувство времени. Мог ли Василий Дмитриевич, – отвечавший в 1920 г. на вопрос очередной анкеты «С какими действиями и пунктами программы Советской власти Вы не согласны»: «Стою на Советской платформе» [20, л. 131об.], – в 1926 г. быть расстрелян только за то, что он «князь» и «Голицын»? Представляется, что за эти «прегрешения» он мог быть умерщвлен – тем или иным способом – лишь десятью годами позднее. Выше мы уже имели случай заметить, что в 1920-х гг. огромные сроки и смертная казнь на «ниве» перевоспитания интеллигенции еще не применялись.

Архивные документы из «Личного дела В. Д. Голицына», хранящегося в Архиве РГБ, а также основанные на них опубликованные исследования говорят нам, что он умер в тяжелых духовных и материальных условиях, однако умер все-таки естественной смертью. Это важно, поскольку хотя бы косвенно подтвержденный факт расстрела В. Д. Голицына способен трансформировать наши представления о середине 1920-х гг. (Быть может, авторы «Русского Версаля» перепутали Василия Дмитриевича Голицына с его сыном – Михаилом Васильевичем? В литературе мы находим сведения, что М. В. Голицын, командир Красной армии, был расстрелян в 1937 или 1939 году [17, 278, 304–305].)

В монографии «Князь Василий Дмитриевич Голицын и Румянцевский музей» Л. М. Коваль пишет: «24 марта 1926 г. Василий Дмитриевич простудился. Врачи поставили диагноз: “Грипп, приступ грудной жабы”. До 20 апреля, согласно больничному листку, по состоянию здоровья он не был допущен к работе.

7 июля 1926 г. в Москве, в своей квартире, в доме по Моховой, д. 3, Василий Дмитриевич Голицын скончался. Он завещал похоронить себя рядом с Прасковьей Михайловной у южно-

го предела Домовой церкви Румянцевского музея. Там же был захоронен почивший 6 декабря 1921 г. Николай Андреевич Янчук (хранитель Румянцевского музея. – *Л. П.*). Но в 1926 г. было принято решение о перезахоронении всех, погребенных на территории музея. Николай Андреевич Янчук был перезахоронен на Новодевичьем кладбище. Василий Дмитриевич и его супруга – на кладбище Донского монастыря.

Внучка Василия Дмитриевича Мария Алексеевна Деревицкая вспоминала:

“Помню я день похорон. Сначала вынули гроб бабушки, умершей в 1918 году, похороненной во владениях Румянцевского музея в церкви для служащих музея, и вместе с дедушкой отпели в Николо-Стрелецкой церкви, находящейся слева от музея на углу улицы Знаменка, ныне не существующей. На похоронах было такое огромное количество народа, что было впечатление народной демонстрации.

Мне довелось разговаривать с несколькими людьми из библиотеки и с двумя сотрудниками Третьяковской галереи (к сожалению, давно ушедшими в мир иной), которые вспоминали такими теплыми словами дедушку, что в горле становится ком, похожий на рыдания” (Из архива Н. М. Тихомировой. Копия // Музей истории Российской государственной библиотеки. Оп. 341. Д. 10651 оф.).

Место погребения Василия Дмитриевича и Прасковьи Михайловны Голицыных на кладбище Донского монастыря известно. Но из-за того, что долгие годы родные по известным причинам не имели возможности ухаживать за могилой, исчезли памятник, ограда» [17, 272–274].

Сообщение в последнем абзаце кажется символичным. Место погребения нашего прошлого нам известно. Из памяти стерлось значение этого прошлого. Восстановить эту память – поставить правдивый памятник прошлому – современная задача, которую, по мере сил, пытается решить и наша работа.

Библиография:

1. Краткая характеристика фонда № 411 // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Описание фонда № 411.
2. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. В 3 т. Т. 2. М.: Б. и., 1963. 502 с.
3. Юсупов Ф. Ф. Мемуары. В 2 кн. / Пер. с франц. Е. Л. Кассировой. М.: Захаров, 2015. 432 с.
4. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Дело фонда № 350. Паспорт фонда.
5. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Дело фонда № 350. Лист фонда.
6. Личное дело Лидии Ивановны Сперанской // Архив Российской государственной библиотеки. Оп. 187. Д. 145.
7. Личное дело Анатолия Корнелиевича Виноградова // Архив Российской государственной библиотеки. Оп. 40. Д. 706.

8. Биографические документы Владимира Оттоновича Нилендера // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 583. Оп. 1. Карт. 11. Д. 13.
9. Личное дело Владимира Оттоновича Нилендера // Архив Российской государственной библиотеки. Оп. 39. Д. 351.
10. Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923). СПб.: Наука, 2014. 1064 с.
11. Лосев А. Ф. Из воспоминаний о В. О. Нилендере // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 583. Оп. 1. Карт. 11. Д. 19.
12. Списки книг Архангельской библиотеки // Архив Российской государственной библиотеки. Оп. 17. Д. 159.
13. Отчет Государственного Румянцевского музея за 1916–1922 гг. М.: Государственное издательство, 1922. 415 с.
14. Андрей Белый – Алексей Петровский. Переписка. 1902–1932 гг. / Вступ. ст., сост., коммент. и подгот. текста Д. Малмстада. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 293 с.
15. Личное дело Алексея Сергеевича Петровского // Архив Российской государственной библиотеки. Оп. 241. Д. 174.
16. А. С. Петровский [некролог] // Библиотечная жизнь. Орган Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. № 40 (70). 3 октября 1958 г. С. 4.
17. Коваль Л. М. Князь Василий Дмитриевич Голицын и Румянцевский музей. М.: Пашков дом, 2007. 333 с.
18. Медовая Э. Натали // Сударушка. Приложение к независимой народной газете «Вечерняя Москва». № 8 (33). 25 февраля 1992 г. С. 9–10.
19. Крючкова М. А., Парушева В. Г. Русский Версаль. Усадьбы князей Голицыных Архангельское и Никольское-Урюпино. М.: Издательство «Русский Мир», 2012. 331 с.
20. Личное дело Василия Дмитриевича Голицына // Архив Российской государственной библиотеки. Оп. 22. Д. 167.
21. Маковецкий Е. А. К вопросу о перспективах концепции культурного наследия // Философия и культура. 2013. № 12. С. 1788–1796. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.12.3978.

References (transliterated):

1. Kratkaya kharakteristika fonda № 411 // Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Opis' fonda № 411.
2. Lichnye arkhivnye fondy v gosudarstvennykh khranilishchakh SSSR. V 3 t. T. 2. M.: B. i., 1963. 502 s.
3. Yusupov F. F. Memuary. V 2 kn. / Per. s frants. E. L. Kassirovoi. M.: Zakharov, 2015. 432 s.
4. Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki. Delo fonda № 350. Pasport fonda.
5. Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki. Delo fonda № 350. List fonda.
6. Lichnoe delo Lidii Ivanovny Speranskoi // Arkhiv Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki. Op. 187. D. 145.
7. Lichnoe delo Anatoliya Kornelievicha Vinogradova // Arkhiv Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki. Op. 40. D. 706.
8. Biograficheskie dokumenty Vladimira Ottonovicha Nilendera // Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki. F. 583. Op. 1. Kart. 11. D. 13.
9. Lichnoe delo Vladimira Ottonovicha Nilendera // Arkhiv Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki. Op. 39. D. 351.
10. Belyi A. Nachalo veka. Berlinskaya redaktsiya (1923). SPb.: Nauka, 2014. 1064 s.
11. Losev A. F. Iz vospominanii o V. O. Nilendere // Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki. F. 583. Op. 1. Kart. 11. D. 19.
12. Spiski knig Arkhangel'skoi biblioteki // Arkhiv Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki. Op. 17. D. 159.
13. Otchet Gosudarstvennogo Rumyantsevskogo muzeya za 1916–1922 gg. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1922. 415 s.
14. Andrei Belyi – Aleksei Petrovskii. Perepiska. 1902–1932 gg. / Vstup. st., sost., komment. i podgot. teksta D. Malmstada. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 293 s.
15. Lichnoe delo Alekseya Sergeevicha Petrovskogo // Arkhiv Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki. Op. 241. D. 174.
16. A. S. Petrovskii [nekrolog] // Bibliotchnaya zhizn'. Organ Gos. biblioteki SSSR im. V. I. Lenina. № 40 (70). 3 oktyabrya 1958 g. S. 4.
17. Koval' L. M. Knyaz' Vasiliy Dmitrievich Golitsyn i Rumyantsevskii muzei. M.: Pashkov dom, 2007. 333 s.
18. Medovaya E. Natali // Sudarushka. Prilozhenie k nezavisimoi narodnoi gazete «Vechernyaya Moskva». № 8 (33). 25 fevralya 1992 g. S. 9–10.
19. Kryuchkova M. A., Parusheva V. G. Russkii Versal'. Usad'by knyazei Golitsynykh Arkhangel'skoe i Nikol'skoe-Uryupino. M.: Izdatel'stvo «Russkii Mir», 2012. 331 s.
20. Lichnoe delo Vasiliya Dmitrievicha Golitsyna // Arkhiv Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki. Op. 22. D. 167.
21. Makovetskii E. A. K voprosu o perspektivakh kontseptsii kul'turnogo naslediya // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 12. S. 1788–1796. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.12.3978.